

Станция Узловая

Ничего себе год начался. Не так просил, не то? Когда били Куранты, Санька честно зажмурил глаза и трижды про себя повторил: «Ноутбук, ноутбук, ноутбук». Вместо этого второго января маму увезли на скорой в больницу. Отец расстроился: как жить, чем питаться. Стал звонить бабушке Свете – палочке-выручалочке. Выручалочка жила на станции Узловой, оттуда ее вызывали на бабушкино дежурство. Внука в сад, с внуком – в ад, в поликлинику то есть. Туда-сюда, чтение вслух, развивашки. Вырос Санька кое-как.

– Мам, надо, – бубнил в трубку отец. – Мам, вилы. Ну, забрали, да. Надолго. Оперировать что-то там будут, по-женски. Что, радикулит? Помажь... Как не сможешь? Не понял. Ты что, кинуть меня хочешь? А! Ну, давай! Санька, собирайся, к бабушке поедешь.

Санька едва успел написать Кирюхе и Матвею, что не увидится с ними завтра, как обещал. Наспех оделись, рванули на вокзал. Отец лаялся с проводником, говорил, что десятилетке одному – можно, а закон пишут для дураков, у которых дети до старости в памперсах ходят. Санька – самостоятельный. Доедет как красавчик. А там бабушка встретит.

Сумрачный вагон бежал, качался. Матрас, свернутый в рулон, был полосатый, пах химически. Оставляли масляные следы на стекле огни станций. Санька давно не был у бабушки, мало что помнил. Так, вспышками. Квартира на пятом без лифта. Сосед ворчун, игрушку Санькину раздавил, взамен принес коня, скрученного из проволок от шампанского.

Остановка на Узловой короткая и в пять утра. Глаза не открываются, во рту – кошки нагадили. Мрак такой густой, что стекает за шиворот. На сером перроне – единственная фигура, бабушка Света, приплясывает от холода.

– Доехал? – бесполезно спросила бабушка, как будто могло быть иначе.

Перрон упрямо не хотел кончаться. Слева цокал, уходя, поезд, справа стоял товарняк о сорока вагонах. Грязные цистерны замерли под шапками свежего снега. Бабушка подгоняла тревожным голосом, тащила, велела шевелить ногами. Ну, шевелил.

До бабушкиного дома ехали на такси. Зачем такая роскошь, не ясно. Автобусы существуют так-то. Отец говорит, что на такси ездят только те, кто себя слишком любит. Может, бабушка, пока не приезжала, успела себя полюбить. Из такси она буквально вытолкала Саньку – и в подъезд. Там улыбнулась первый раз, обняла и поцеловала. Подъезд у нее хороший, светлый, весь в забавных детсадовских рисунках. Крокодил Гена косенький, с ним Чебураха. Бабушка предложила сразу лечь – грех не воспользоваться.

Рухнул в мягкие, сладкие подушки и вырубился до часу дня. Пришла бабушка, принесла чай, печенюку, салфетку, все на подносе. Хорошая жизнь. И на подоконнике пальма.

Днем сходили прогуляться, дошли до рынка, купили кильку и батон. Прав отец. Узловая – дыра на карте, причем на контурной, где никто не нарисовал полезные ископаемые, а бесполезные проявились сами.

– А чего это они? – спросил Санька, показывая на толпу старушек. Старушки стояли кругом, головами внутрь, в руках у каждой было по веревке с узелками.

Бабушка молча потащила его прочь. Не объяснила ничего. Вечно все ведут себя, как будто Санька debil, и ему надо давать информацию дозированно, а то перегрузится и заистерит. В школе бы так делали! Нет же, знания впихивают, пока из ушей не полезут.

Вечером бабушка плотно задернула шторы и включила свет. Много света. Везде, в комнате, второй комнате, на кухне, в тубзике. Пробовал гасить – опять включает. Пока она вязала шарф, Санька отодвинул плотную штору и выглянул в окно. По улице рывками двигались серые сутулые тени. Хватали друг друга, шарили руками. Не найдя, что искали, расцеплялись и продолжали бороздить снег.

Санька ворвался к бабушке – дремлет. Дернул за дурацкий шарф, кому он нужен.

– Там! Там! – задохнулся и на окно показал.

– Просила же не смотреть, – сказала бабушка. – Шторы для кого? Спать ложись.

Да какое спать?! По улицам монстры разгуливают, а ей наплевать. Санька на цыпочках подобрался к окну. У подъезда дежурила крупная тень. Постояла-постояла и села на лавочку, ногу на ногу, голову вниз, скукожилась.

Отец говорит, трусом быть противно. Его надо выдавливать из себя по капле. И даже показал на половой тряпке, как это делается. Бабушка ничего объяснять не хочет, а Санька не желает блуждать в потемках. Надо сфоткать монстров – и в полицию. Пусть ловят, сажают. Санька стянул с крючка ключи и нырнул в подъезд.

На лестничной площадке, где почтовые ящики, стояла тетка в халате и тапках на босу ногу. В руках у тетки – веревки с узелками. Глаза закрыты. Что-то шепчет, не разобрать.

– Вам плохо? – спросил Санька.

Тетка грозно уставилась на Саньку. Он подпрыгнул и поскакал через три ступеньки – вон из подъезда. Полоумная. Он же вежливость проявил, ну, маломальскую. Училка долдонила, что люди черствые стали. Надо гражданскую позицию иметь, и сострадание, там, христианское и вообще милосердие. Потому что мы не в лесу. Человек человеку не

волк, а... человек. Хотя это уже три одинаковых слова подряд. Мысли кипели в Санькином мозгу, как вода в электрическом чайнике.

Вышел из подъезда – в ночь и снег. Фонарь выхватывал у темноты небольшой полукруг: лавочка, бетонная урна, ребра заборчика, огораживающего палисадник. И тень – грузный дядька, в дутой куртке и тугой спортивной шапочке. Весь серый, даже лицо, вместо глаз – черные дыры. Неужели бабушкин сосед-ворчун? Вроде он. Крутит в руках свитый из проволоки трезубец, тычет себе в мякоть под большим пальцем. Фоткать неловко.

Сосед-тень вздохнул и обернулся к Саньке:

– Что скажешь?

– Ничего, – залепетал Санька. – А надо? У меня вот... жвачка есть арбузная. Хотите?

Если прижать к домофону ключ и прыгнуть в подъезд, а дверь хорошенько дернуть, Санька получит фору. Вдалеке небо лопнуло от красного, рассыпчатого фейерверка.

– Стреляют, дураки, – сказал сосед. – Деньги на ветер. В Новый год – как на передовой. И елки эти – кому? Сначала рубят, потом на помойку несут. Мишура по ковру, пылесос не справляется. Кот у меня был, Пушок, дождик ел. Под хвостом развевалось, когда скакал. Мандарины испортились. С косточкой, шкурку чуть отдерешь, а раньше она была такая... будто велика. Возьмешь три кило – нарасхват. А теперь мне и полкило много. Лежат, гниют. Кончился праздник. Ерунда это, пыль в глаза.

На Саньку навалилась тоска – стыдная, глупая. Словно он сидел в туалете, освежитель читал, и тут свет выключили. Санька шагнул к лавочке, впечатав ботинок в пушистый снег.

– Все будет хорошо.

Эту неправду любят говорить старшие. Когда сказать нечего. А Саньке как раз сказать нечего, только домашняя заготовка осталась. Надо импровизировать – в горле ком. Мимо лавочки, семена полными ногами, прошмыгнула живая женщина. Она перебирала узелки на веревке: «Лешенька, сынок, Аня, Анечка. Максим Алексеевич. Тома и Галка из Ижевска. Капитолина Степановна. Дуся».

Сосед стиснул на коленях кулаки. Один обычный, а другой с надписью КАТЯ.

– Один я, понимаешь? – сказал сосед. – Слова не от кого услышать. Только телик орет и снизу ругаются. Прикормил голубя – сдох. Вот такое оно, новое счастье.

У Саньки в носу зашипало, а потом и ниже, в груди. Внутри будто росла звезда – сначала похожая на оброненную детскую перчатку, а потом на свирепую зудящий дрон. Звезда впивалась в мякоть острыми горячими лучами, вращаясь по часовой.

– Вы... хороший... правда, – Санька едва вымолвил, выцедил, выдвавил. И звезда прорвала грудную клетку. Вспыхнула, ослепила. Сосед вскочил, схватил ее голыми руками, в охапку – и бежать.

Санька кинулся за ним. По тротуару, за угол, между домов, к гаражам. Там кусты, сугробы, доски навалены, битые кирпичи выглядывают, как любопытные рыбы из полыньи. Сосед привалился к стене гаража и начал жадно жрать звезду, разбрызгивая искры. Саньку чуть не стошнило. Он видел, как гнутся и трескаются лучи, гаснет теплый свет. По губам и подбородку соседа стекал еле живой свет и капал в снег, оставляя в нем лунки.

– Еще! – потребовал сосед. – Мелкая была...

Кто-то положил руку Саньке на плечо.

– Хватит! Ненасытный. Иди отсюда.

Бабушка с шарфиком в руке казалась крохотной и хрупкой, как елочная игрушка, но сосед вздрогнул и уполз прочь, в ночное дворовое никуда.

– Вышел, неслух? – беззлобно спросила бабушка. – Видишь, что у нас творится.

– Что, ба? Он болеет? Ему плохо?

– Плохо не плохо, а света нет. Жена умерла, дети с ним не разговаривают. Оголодал. Вот вышел поискать – может, кто подаст. Всех не накормишь, Санька. Экономить надо. Чтоб своим досталось.

Она потрясла недовязанным шарфиком.

– Здесь вы все. Папа твой Коля, мама Надюша. И ты. Больше никого у меня нет. Зато погляди, какой я узор вывязала! Пойдем, ветер такой холодный сегодня.

Вернулись в подъезд. Тетка в халате продолжала украшать собой площадку. Тоже перебирала узелки: «Мама. Сеня. Ангелина. Толик. Миша. Алена. Олег Васильевич».

– Кто это? – спросил Санька, когда они с бабушкой покинули зону слышимости.

– Родня, – пожала плечами бабушка. – Я эту даму не знаю, она недавно переехала.

Дома бабушка говорила о чем угодно, только не о том, что произошло. Смирился. Отстал. Уснул прямо на диване. Бабушка растолкала – «не донесу тебя» – отвела в кровать. Но в три ночи Санька проснулся с колотящимся сердцем. Мама там, в больнице, совсем

одна. Отец написал сообщение: анализы, готовится к операции. Ей больно. И, наверное, очень страшно.

Надо найти веревку, любую. Была только бельевая, натянутая в ванной. Подпилил хлебным ножом, сел прямо там на кафель, принялся вязать.

«Мама. Отец. Бабушка Света. Кирюха. Матвей Федотов».

Всех сохранил?

Кожа словно подернулась серой рябью. Моргнул – рябь исчезла.

«Мама. Отец. Ба. Кирюха. Матвей...»

И я.